

Когда-то он станет взрослым

Елена Введенская

Елена Введенская

Когда-то он станет взрослым

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69835555

SelfPub; 2023

Аннотация

В детстве, если обида, то на всю жизнь. Горе на разрыв сердца. Особенно, если ты только что был так счастлив, а обидчик дорог, не смотря ни на что. Но, "не все то горе, что горем кажется". Просто, тебя очень любят и не хотят, "чтоб ты вырос сорняком непутевым..." Рассказ о детстве, о дивном лете в кубанской станице. С приключениями, таежными байками у костра, с купанием в теплой речке, новых знакомствах и открытиях. Подойдет детям, начиная с девяти лет. Рассказ включен в итоговый сборник V международной премии в области литературного творчества для детей "Алиса – 2023".

Содержание

Глава 1. Счастье через край.	4
Глава 2. День добрых дел.	18
Глава 3. Обида.	26

Елена Введенская

Когда-то он станет взрослым

Глава 1. Счастье через край.

Алешка проснулся от звонкого крика петуха, открыл глаза и зажмурился. Потoki солнечного света ослепили.

"Бабушка! Каникулы! Ура!"

Он потянулся, наслаждаясь состоянием лени и покоя. Большое окно распахнуто настежь. Темно бордовые головки любимых бабушкиных георгинов зависли над подоконником. Их накрыла ветвистая тень от абрикосового дерева. За ним виднелся краешек виноградной шпалеры, в тени которой так хорошо дремать на раскладушке в полуденный зной. Вдалеке лениво перебранивались станичные псы, разомлев от жары.

Во дворе полилась вода, заплескалась, зашуршала по листьям.

"Поливает".

Вставать не хотелось. Он закрыл глаза, но с кухни вкусно пахло оладьями и любимым клубничным киселём. Глубоко вдохнул и рывком вскочил с постели.

– Баа!

– Я здесь! – донеслось со двора. – Проснулся? Иди ко мне, засоня!

Дом не успел накалиться, но стоило распахнуть дверь, как снаружи обдало сухим, набирающим силу жаром. Пахло перегретым асфальтом и выжженной солнцем травой.

Ступил на двор и тут же запрыгал, поджимая пальцы босых ног. Заскочил обратно в дом. Асфальт поджаривал подошвы не хуже сковородки. Пришлось бежать в комнату за сланцами.

Бабуля поливала цветы во дворе. Оторвав взгляд от струи, она с улыбкой взглянула на внука.

"Подрос. Все больше на отца похож становится. Волосы русые такие же. Лоб высокий, носик аккуратный. Глаза только не отцовские, мамины, серо голубые. Ладный вышел мальчишка".

– Ну, что? С добрым утром? Отвык от нашей жары? Как спалось в первую ночь?

– Классно, Ба! Тебе помочь?

– Я заканчиваю уже. Шланг к сараю оттащи и воду выключи. Где кран, помнишь?

– Помню! – переполненный счастьем Алешка помчался выполнять поручения.

Завершив дела во дворе, закрыли ставни и вернулись в спасительную прохладу дома. На просторной светлой веранде накрыто к завтраку. В центре стола блюдо с оладьями за-

ботливо прикрыто тарелкой. Алешкина любимая кружка с веселым подсолнухом ждет хозяина.

Наевшись, внук чмокнул бабулю в теплую щеку.

– Спасибо, Ба! Я гулять!

Уже у самых ворот его настиг оклик:

– Алёшка, по солнцу много не бегай, сторишь!

– Лаадно! – отозвался и выскочил со двора. Металлическая калитка с лязгом захлопнулась за спиной.

У Алешки началось лето. Настоящее. Безмятежное. Счастливое. С шумными мальчишескими играми, гулянием до темноты, и байками у костра, если повезет, и в отпуск приедет геолог дядя Андрей.

За воротами, не успел оглядеться, как его окликнули:

– Алешка, ты что ли? Вырос то как!

– Я, баб Митревна! Здравсьте!

– И тебе не хворать! Когда успел? Вчера еще, вроде как, не было.

– Так вчера и приехал. Вечерним поездом.

– Александровна то, как рада, небось! Ждала тебя! Ну, беги, беги! Вижу, не стоитя тебе на месте.

– До свидания, баб Митревна!

– Ух ты ж! Вежливый какой за год стал! Ученик! Ну, до свидания!

Алешка помчался вдоль улицы, стараясь держаться в тени. Солнце жгло нещадно.

Миновав несколько домов, остановился у деревянного

забора из старого штакетника, посеревшего от времени. Сквозь него хорошо просматривался большой двор и дом в глубине сада. Алешка, что есть силы, выкрикнул:

– Мииишкааа!

– Чего кричишь! Дома он! Заходи! Собаку не бойся, привязана она.

Ворчливый голос заставил обернуться. Со скамейки, спрятавшейся в густой тени вишневых деревьев строго смотрела старушка. В застиранном ситцевом сарафане, вытянутой старой кофте непонятного цвета, на ногах калоши поверх шерстяных носок. Мишкина бабуля.

– Здравсьте, баб Маша! Я приехал! – радостно сообщил он.

– А то я не вижу! Заждались тебя уже! С утра к окошку скачет.

Алешка толкнул дощатую калитку. Во дворе громогласно поприветствовал грозный Мухтар, виляя изо всех сил хвостом. На лай из дома выскочил коренастый, крепкий, загорелый Мишка. Темные, жесткие, непослушные вихры его торчали во все стороны. Почти черные, словно переспелые сливы глаза радостно поблескивали.

– Лёха! Приехал! Ураа! – приятель кинулся навстречу. Мальчишки обнялись, по-взрослому пожали друг другу руки. Десять лет, мужики...

– Славка где?

– Щас будет. В магазин в посёлок услали. Сказал, чтоб подождали.

– Пошли, встретим?

Друзья вышли на середину широченной улицы, и бодро зашагали по плотно укатанному гравию. Миновали гусей, с которыми у Алёшки были сложные отношения. Пришлось как-то спастись бегством от агрессивных птиц. Вожак преследовал его до самого конца улицы, вытянув вперед длинную шею и шипя, и только там отстал.

Прошли до развилки, остановились полакомиться черешней. Ветки, густо усыпанные ягодами, нависали прямо над головой.

– Лёхаа! – навстречу, размахивая во все стороны пакетом, шлепал Славка. Его выгоревшая шевелюра походила на солону. Широкая улыбка демонстрировала отсутствие переднего зуба.

Серьезное пожатие рук, обязательные, ставшие ритуалом, толкания. Локтями, кулаками и хлопок ладонями. Компания двинулась обратно.

– Когда приехал? – Славка на ходу легонько шлепнул Алёшку по спине.

– Вчера.

– А чего тогда только сегодня объявился?

– Так поезд почти в девять приходит. Пока с вокзала добрались, то, да сё, поздно уже было, тетка на улицу не отпустила.

– Да, тетя Мила у тебя строга. С ней шутки плохи. – Славка выразительно потер затылок.

– Чего, прилетело, что ли? – заинтересовался Алёшка.

– Ага! Было дело. Грядку у вас кто-то потоптал. С какого перепугу решила, что это я, непонятно. Показалось ей, видите ли! Через день выяснилось, что это вообще сосед ваш был. С реки поздно огородами возвращался, в темноте калитки перепутал. Так твоя-то сказала, что лишний раз по загровку получить в воспитательных целях всегда на пользу. Во как!

– Эт она может! – Алёшка заулыбался.

– Лёха, дядю Андрея помнишь? – Славка забежал вперед, приостановился и сделал круглые глаза.

– Его забудешь, как же! Такого страху в прошлый раз байками своими нагнал. А что? Случилось, что ли чего?

– Да, не. Приехал он. Видел на днях через забор. Их дом то рядом.

– А мне почему не сказал? – Мишка обиженно насупился.

– Так забыл.

За разговорами не заметили, как пришли.

Славка нырнул домой, мигом вернулся. Первым делом, побежали на речку. Она сразу за домами. От огородов через небольшую кукурузную посадку вниз, и ты на берегу. Река не широка, но доплыть до другого берега мальчишки пока не решались.

На песчаном пляжике разделись и ринулись в спасительную прохладу воды. Брызгались, вопя от восторга. Долго ныряли, сбрасывая друг друга в воду с рук. Играли в догонялки. Устав, вылезли обсохнуть, поваляться на горячем песке.

Алешка вспомнил:

– Слушайте, а как тот дом чудной? Достроили его?

– Это на соседней улице который? – Мишка щурился от солнца, бившего прямо в глаза.

– Ну, да!

– Достроили! Только там такой заборище, что ничего не видно. – Славка перевернулся на спину и раскинул руки.

– Пошли, посмотрим?! – Алешка сел.

– Да чего там смотреть! Говорю же, не видно ничего. – Славка все же приподнялся, осмысливая предложение.

– А чего?! Пошли! Потом опять сюда вернемся. – Мишка встал, стряхнул с почти сухих плавок остатки песка, и натянул шорты.

Спустя пару минут друзья уже пробирались вдоль заборов к соседней улице.

Дом стоял на берегу. Стены из грубо отесанного камня. По углам башни с бойницами. Красная крыша остроконечной формы с флюгером наверху. Он был похож на замок.

Алешка восхищенно присвистнул:

– Вот это да! Кто живет, видели?

– Мужик какой-то. Он редко выходит. Что, нравится? – Славка хитро прищурился.

– Ага! – простодушно кивнул Алешка.

– Забор зацени! Видно только полдома, что сверху торчит. Во двор никак не заглянуть. – Мишка прыгал на одной ноге, выгоняя воду из уха.

– Пошли, обойдем. Может где–нибудь лазейка есть. – Алешка осматривал монументальное каменное сооружение. Не хотелось сдаваться так сразу.

Обследовали забор вдоль реки, завернули за угол, там прошли еще немного.

– Вон! Вон дерево! Ветка, смотрите, куда заходит! Прямо до верха! А говорите, не добраться...!

– Ну, ты даешь! – Славка подошел к стволу. – Лёха, Мих, руки подставьте.

Мальчишки встали рядом, взялись за руки, соорудив опору, чуть присели. Славка полез. Довольно ловко у него все вышло. Ухватился за ветку, закинул на нее ногу. Еще пара мгновений, и он прочно занял удобную позицию. Свесился, протянул руку, помог вскарабкаться сначала Мишке, потом Алёшку подтянули.

По очереди добрались до толстой ветви, нависающей над забором. Поползли по ней, осторожно приближаясь к цели. Забор оказался довольно широким. Уселись рядком, свесив вниз ноги.

– Ух, ты! – Мишка, восхищенно разглядывая внутренние стены, сплошь покрытые цветными рисунками. Джунгли с динозаврами, сказочный замок, океан с парусниками, льды с белыми медведями.

– Круть! – у Алёшки глаза загорелись от восторга.

– Ой! – Славка напрягся и схватился за Мишку. – Со стороны дома к ним скачками приближалась большая собака. –

Мамаа! – Славка боялся собак. Он резко задрал ноги, продолжая цепляться за друга. Качнулся, не удержал равновесие и свалился во двор, утянув за собой приятеля. Тот, падая, попытался ухватиться за Алёшку. В результате все трое оказались на земле.

Пес остановился неподалеку и тихо ворчал, переминаясь с ноги на ногу.

– Ротвейлер, – прошептал Алешка. – Если захочет, съест и не поперхнетя.

– Чего делать будем? – Славка медленно пятился, пока не прижался спиной к ограде. Дальше отступить было некуда, бежать тоже.

– Мишка жарко зашептал:

– Я в кино видел, там мужик быка одной рукой остановил. В глаза смотрел, руку вперед вытянул, пальцы на быка наставил, и тот ушел!

– Ты на этого попробуй руку выставить... Без руки и останешься! – Алёшка оглядывался в поисках чего-нибудь, с чего можно обратно на забор заскочить.

Пес тем временем лег, вытянув вперед крепкие лапы. Он по-прежнему не сводил глаз с пацанов. Из-за дома послышалось спасительное:

– Грек! Грек, ты где?!

Показался хозяин. В белых просторных полотняных штанах, белой длинной широкой рубаше и заляпанном красками фартуке. На голове соломенная шляпа с широкими полями.

Увидел мальчишек.

– Грек, фу! Ко мне! Сильно испугались?

– Здравствуйте! – прозвучало в ответ нестройным, жалобным хором.

– Собаку не бойтесь. Он только с виду грозный. На самом деле добряк. Да отлепитесь вы от забора то уже! Не съест вас здесь никто! Идёмте! Дом, небось, посмотреть залезли? – Мужчина жестом пригласил мальчишек следовать за собой.

Первым решился Мишка. Сделал несколько осторожных шагов. Грек на ходу оглянулся, снова напугав. Но пес только повилял коротким обрезанным хвостом и потрусил дальше. Мишка расслабился и припустил бегом, догоняя хозяина дома. Славка с Алешкой за ним.

Под просторным тентом, на площадке, покрытой каменными плитами, стояли и сидели медведь, мультяшный пес, грибы с руками и ногами в лаптях, гном, леший, баба Яга в ступе с метлой. Чуть в стороне на деревянной скамье вальяжно развалившись и небрежно закинув ногу на ногу, восседал кот с выражением крайнего нахальства на роже. Рядом на небольшом столике лежали кисти, краски и разные инструменты.

Кот был одет, но тельняшка не имела одного рукава. Одна из кед не докрашена.

Ребята застыли.

– Дяденька, а кто все это сделал? – Алешка смотрел на хозяина дома.

– Давайте познакомимся. Меня зовут Василий Петрович. Я резчик. Это все мои работы. Заказали для детской площадки в городском парке.

– А на заборе тоже вы рисовали? – на Мишкиной физиономии было написано уважение и восхищение.

Василий Петрович рассмеялся.

– На заборе рисовал я. Как вас то зовут?

– Я Леха, вот он Мишка, а это Славка. Он собаку испугался!

Василий Петрович внимательно глянул на Славку и легонько похлопал его по плечу.

– Ты к Греку присмотришь. Не сомневаюсь, вы подружитесь! А пока идите в беседку. – Он указал в сторону ажурного белого сооружения, увитого виноградом. – Угощу вас, раз в гости ко мне попали. А сам работать продолжу, вы уж не обижайтесь.

Мальчишки ели фрукты, потом долго пили чай из широких больших чашек без ручек. Василий Петрович сказал, что они называются пиалами. Грек крутился рядом, подставляя голову под почесушки. Потом залез на диванчик, устроился рядом с замершим от ужаса Славкой, водрузив свою голову ему на колени и заглядывая в глаза.

Спустя некоторое время Славка решился дотронуться до собачьей головы. Пес, словно понимал, и не шевелился. Славка постепенно осмелел и стал почесывать собаку за ухом. Грек исхитрился и лизнул его. Славка растаял оконча-

тельно. Расслабился, скинул с ног сандалии, залез с ногами на диван и обнял Грека. Так и сидели, в обнимку.

Потом друзья перебрались поближе к хозяину дома. Сидели на горячих, не смотря на навес, камнях, расспрашивали о профессии и наблюдали за тем, как у кота появилась вторая кеда, потом Василий Петрович докрасил рукав и кепку и стал покрывать лаком одного из медведей.

Жара к тому времени начала спадать. День давно перевалил на вторую половину. Художник снял фартук, сложил кисти в банку с едко пахнущим растворителем, протер руки, стирая с ладоней краску.

Ребята сообразили, что загостились.

– Василий Петрович, мы пойдем! – Мишка встал. Славка и Алеша тоже поднялись. – Можно, мы еще придем?

– Василий Петрович улыбнулся. – Прийти можно и даже нужно! Пойдемте, я провожу вас.

Ребята пошли к воротам. Василий Петрович открыл калитку и выпустил мальчишек на улицу.

– На речку? – Мишка чмокал, стараясь отлепить от зуба прилипшую ириску.

Вернулись на пляж. Улеглись рядком на песок. Лезть в воду не хотелось.

Славка думал про Грека и пытался понять, он теперь совсем не боится собак или только Грека.

Мишка отковырял, наконец, от зуба ириску, и принялся строить замок из песка.

Алешка все же полез в воду, остудить разгоряченную голову.

Солнце ушло в сторону, готовясь скрыться за горизонтом. Над рекой стояло вечернее марево. В высушенной солнцем траве запели цикады. Протяжное:

– Свиирр, свиирр, свиирр...

Начало темнеть. Оранжевый диск медленно опускался за изгиб реки. Вскоре он совсем исчез, и мир исчез вместе с ним, погрузившись в темноту.

Мальчишки спохватились, заспешили домой. Нашарили среди песка шорты, кое-как нашли обувь и, ориентируясь на огоньки в окнах, побежали к домам. Первым нырнул во двор Мишка. Его дом стоял ближе всех. Славка убежал на свою улицу. Алешка остался один. Дойдя до места, от которого до их участка рукой подать, он остановился.

Бархатное, бездонное небо подмигивало мириадами звезд. Здесь они в разы ярче, чем у него дома. И Луна. В городе никогда не увидишь такой огромной, оранжевой Луны. Она низко нависла над домами, почти касаясь крыш.

Вглядываясь в апельсиновый, испещренный бесформенными размытыми пятнами диск, Алешка представлял, что там живут неведомые существа. И кто-то из них сейчас вот также глядит на Землю. Их взгляды встречаются. Они смотрят друг на друга сквозь космическую даль.

От этих мыслей по коже начинали бегать мурашки. А вдруг... Вдруг, они прилетят. Когда-нибудь. Пусть, даже, ко-

гда он станет взрослым. Они увидят друг друга...

Почувяв чужое присутствие, подал голос соседский пес. Алешка оторвался от грез и стрелой помчался домой. Ему не терпелось поделиться тем, в каком необыкновенном доме они сегодня были. Сколько всего интересного рассказал им Василий Петрович и разрешил приходить еще. Что Славка больше не боится собак. И, как же здорово, как он счастлив, что приехал.

Бабушка не спала. Она читала книжку, устроившись на диване у окна. Увидев внука, приложила палец к губам, улыбнулась:

– Тише. Милочка уже спит. Нагулялся?

– Да, Ба. Как домой уезжать не хочется...

– Куда уезжать?! Только приехал, а уже про отъезд.

– Да, нет. Я в смысле, как хорошо у вас.

– Ты от солнца берегся? Не сгорел?

– Не, нормально все.

– Покушаешь?

– Да. Ба, а оладушки остались еще?

– Конечно. Куда ж они денутся. Сейчас. Подогрею немного, посиди...

Уже лежа в постели, переполненный впечатлениями мальчишка вспоминал прожитый день. Вскоре сон сморил, Алешка заснул.

Глава 2. День добрых дел.

Утром он надеялся увидеть тетку, но был выходной, и она еще спала.

Алешка шустро съел завтрак.

– Спасибо, Ба! Я пошел? Мы с пацанами договорились. Можно?

Бабушка поцеловала в макушку и легонько подтолкнула к двери:

– Конечно, можно. После обеда, как жара спадет, вернись только. Милочка тебе грядку под прополку приготовила. Поможешь немного. Не забудь!

"Ну, конечно!" – подумалось с досадой. – "Тетя Мила верна себе. Не может не нагрузить. Как бы не забыть, а то влетит..."

– Лаадно! – Алешка вприпрыжку пересек двор и выскочил за калитку.

Мишка со Славкой уже поджидали. Сидя в тени, щелкали семечки. Алешка протянул руку:

– Дайте немного.

Мишка сыпанул из ароматного кулька в подставленную горсть, Алешка уселся рядом.

– Что делать будем?

– Я когда из дома выходил, в конец улицы скорая к кому-то ехала. Пошли, поглядим? – Славка встал, стряхнул с

ладони прилипшую шелуху.

Выйдя на Славкину улицу, мальчишки увидели, что машина все еще стоит. Подошли ближе.

– Так там учительница наша живет! Надежда Ивановна. Вон она! – Мишка ускорил шаг.

Возле скорой стоял врач. Надежда Ивановна что-то ему говорила, умоляюще сложив руки на груди. В салоне на носилках лежала женщина.

Надежда Ивановна увидела мальчишек, кинулась к ним:

– Ребята, миленькие, как вы вовремя! Ради Бога, помогите. Маме плохо стало, в больницу ее забирают. Мне с ней надо поехать, а Аньку оставить не с кем. Папа наш на работе сегодня. Вы сможете присмотреть за ней? Я постараюсь скорее вернуться. Анечка вас хорошо знает, видела не раз. Я ей сказала, что сейчас с кем-нибудь договорюсь. Выручите?

– Конечно, Надежда Ивановна. Не переживайте. Присмотрим.

Скорая спешно уехала.

Оставшись одни, мальчишки переглянулись.

– Ей сколько лет то? Мы точно справимся? – Алешка с тревогой смотрел на друзей.

– Не дрейфь! Справимся. Пять лет ей, примерно. У Мишки Кирюха в одну с ней группу в садик ходит. Да, Мих?

Посерьезневший Мишка кивнул и пошел к дому.

На веранде разулись, вошли.

– Вас что, со мной сидеть прислали? Мишка, привет! – де-

ловым тоном поприветствовал их детский, задорный голос.

Анька стояла посреди комнаты, уперев руки в бока, и смотрела на них. Розовые шортики. Майка в зеленых попу-
гаях краем выбилась наружу. По щеке размазан шоколад.
Сверлит их карими пуговицами с воинственным видом.

Рядом детская плита с кастрюльками, за игрушечным сто-
ликом бурый медведь без одного уха и пара кукол.

– Привет, Ань! Да. Надежда Ивановна нас попросила с
тобой побыть, – отозвался Мишка.

– А получше никого не нашлось, что ли?

– Получше, это в смысле, как? – вид у Мишки был немно-
го ошарашенный. – А мы чем не подходим?

– Мама сказала, что кого-нибудь из взрослых попросит.
Вы же не взрослые?

– Ну, извини! Больше никого не нашлось. Придется нас
потерпеть, – съязвил Славка.

– Ладно. Так и быть. Тогда, чур, вы со мной играть будете!

– Договорились. – Мишка обреченно вздохнул. Дома его
доставал тем же самым младший брат.

Анька воодушевленно принялась командовать:

– Уберите кукол, и садитесь. Я вас кормить буду. У меня
в кастрюле пюрешка и котлеты.

Мальчишки скинули игрушки, и кое-как уместились на
детских стульях.

Анька вытащила из стоящего рядом контейнера набор
детской посуды. На столе появились тарелки с чашками.

Мальчишки наблюдали за ее действиями с тревогой.

"А, если сейчас съесть какую-нибудь гадость потребу-ет...?"

– Ань, давай мы, лучше в другую игру поиграем? – голос у Мишки звучал подхалимски ласково.

Анька помедлила, отложила в сторону пластмассовые продукты, спросила заинтересованно:

– Ладно. А во что?

Мальчишки переглянулись. Мишка ляпнул первое, что пришло в голову. Просто, чтобы остановить процесс кор-межки. Придумать он ничего не успел. Теперь выразительно кивал друзьям, призывая на помощь.

– Можно в прятки с привидением, – предложил Алешка. Вспомнил, как бывает весело, когда играешь в эту игру, хмыкнул.

Мишка оживился.

– Молодец, Леха! Ань, как тебе?

Мальчишки с надеждой уставились на маленькую коман-диршу.

– Пряткии...? – протянула важно Анька, вытянув губы бантиком. – Лаадно. Годится.

Друзья обрадовались. Прятки, да еще и с привидением, это тебе не пластмассовые котлеты.

– Ань, простыню найдешь? – Алешка взял руководство игрой на себя.

– Щас! – Анька сорвалась с места и скрылась в глубине

дома. Вернулась, волоча за собой желтую в крупных красных ягодах простынь.

– Вот! – с гордостью вручила ее Алешке.

– Значит, так. Тот, кто водит, он привидение. Надо накинуть на себя простынку. Чтобы ничего не видно было. И искать по звуку всех остальных. Когда ищешь, надо пугать. Ну, привидение, же! Кого нашли первым, тот будет следующим привидением.

– Леха, класс! Можно, я первым приведением буду? – Славка весь загорелся.

– Я не против! Мишка, ты как? – Задав вопрос, Алешка сообразил, что главное, получить другое согласие. Обернулся к девочке, – Ань, ты не возражаешь?

Анька снисходительно кивнула.

Славка скрылся под простыней, путаясь в ней ногами. Мишка, осмотревшись, залез за диван. Алешка спрятался за занавеской. Куда делась Анька, они не заметили.

– Раз, два, три, четыре, пять! Я иду искаать! – зловеще утробным голосом произнес Славка и двинулся по комнате. Старательно завывая и водя перед собой руками, он то и дело, останавливался, прислушиваясь.

Первым выдал себя Мишка. За диваном было тесно и неудобно. Он попытался сменить положение, и уронил лежащую на спинке дивана книжку. Славка резво развернулся и пошел на звук, широко расставив руки и растопырив для верности пальцы.

Грохот падающего тяжелого предмета, звон стекла, чертыханья Славки прервали игру. Мальчишки выскочили из укрытий и оторопели. Славка яростно копошился, запутавшись в простыне. По полу разливалась лужа. Рядом с журнальным столиком валялись осколки тяжелой стеклянной вазы и выпавшие из нее цветы.

– Поиграли... – прошептал Алешка. – Чего теперь будет?

– Что будет, не знаю. Анька где? – Мишка озирался по сторонам. Девочки не было видно.

– Аняа! – разнеслось по дому.

В ответ ничего.

– Анькааа! Вылезай. Мы больше не играем. – Мишка осматривал все углы, куда девочка могла спрятаться. Ее нигде не было. – Давайте, по дому искать.

Мальчишки разбрелись. Исследовали шкафы, выдвигали ящики, посмотрели в ванной, даже в холодильник заглянули на всякий случай. Анька исчезла.

Вернулись обратно в комнату.

– Что делать будем? Вот куда она подевалась? Тут и спрятаться то особо негде. Все же проверили уже. – Мишка, как имеющий младшего брата, чувствовал особую ответственность за порученную им девочку.

– Мих, погоди. Не паникуй. Идите сюда. Поближе.

Мальчишки приникли головами друг к другу, Славка азартно зашептал им на ухо. Все заулыбались, захихикали. Снова рассредоточились.

Славка вышел на середину комнаты. Злорадно ухмыляясь, выдержал эффектную паузу, и на весь дом закричал:

– Мышь! Здесь мышь!

– Мамаааа! Маамааа! Ааааа...!

Вопль несся из ванной комнаты. Друзья рванули туда. Изпод ванны, выбив сдвижную створку и не прекращая вопить, ломилась наружу Анька. Протискиваясь сквозь отверстие, она застряла. От того, что ей казалось, будто ее кто-то держит, паника только усиливалась. Из глаз лились слезы, мордашка мгновенно опухла, глаза из лукавых карих вишенок превратились в горестные щелочки.

Мальчишки помогли ей выбраться. Принялись утешать. Сообщили, что мыши нет, убежала на улицу и больше не придет. Приставили к носу платок, в который Анька выдала от души и начала успокаиваться, наконец. Во взъерошенных кудряшках застряли мелкие соринки и следы паутины, которую она успела насобирать, пока ползала под ванной. Вид был несчастный и вызывал сочувствие.

Убедившись, что с девочкой все в порядке, друзья занялись уборкой. Алешка нашел в туалете швабру с ведром, собрали с пола воду. Осколки от вазы сложили на газету, и вынесли на веранду. Цветы засунули в обычную банку и поставили на подоконник. Анька окончательно пришла в себя и активно помогала убираться. В последнюю очередь почистили от мусора ее саму, и расселись на диване.

– Ань, мама твоя сильно будет ругаться, как думаешь? –

спросил Мишка.

– Нет, не думаю. – Многозначительно сложив руки на груди, она принялась рассуждать:

– Во первых, мама вазу эту терпеть не может! Во вторых, значит, сердиться не будет. В третьих, может даже обрадуется. Ну и, потом, если что, я скажу, что это я разбила. А мне ничего за это не будет точно. Я же нечаянно.

От души у всех троих отлегло. Хотя каждый для себя решил, что непременно скажут правду и на девчонку перекладывать ответственность не будут.

Включили телевизор и до возвращения Надежды Ивановны смотрели мультики по детскому каналу.

Надежда Ивановна на разбитую вазу внимания не обратила. А когда сказали, отмахнулась:

– Ну и шут с ней. Я ее не любила, так что и хорошо, что разбилась. Дурацкая была ваза. Главное, не порезался никто!

Мальчишек напоили чаем с печеньем и с кучей благодарностей проводили.

Выйдя от учительницы, пошли на речку. Долго плескались, загорали.

Было уже далеко за полдень. Еще немного, и стемнеет. Мальчишки проголодались, решили разойтись по домам.

Глава 3. Обида.

Добежав до калитки, Алёшка нырнул в огород. Сразу увидел массивный тёткин зад, демонстративно зависший над грядкой, вспомнил... Зная ее характер, грядка была та самая.

Из живота к горлу пополз комок и встал там, мешая сглотнуть ставшую вязкой слюну. Мальчишка судорожно соображал, что сказать в свое оправдание. Но говорить ничего не пришлось.

Заслышав шаги, грозная фигура выпрямилась.

– Явился!

– Мил, я забыл. Прости, пожалуйста. Я сейчас все сделаю. Честное слово. – От охватившей его растерянности и отчаяния Алешка говорил едва слышно.

– А не надо уже ничего. Я в свой выходной, вместо того, чтобы отдыхать, два часа гну здесь спину. – Голос тетки звенел металлом, набирая силу. – Тебе не стыдно? Приехал на все готовое. Лоб здоровый. Бабушка должна тебя обслуживать! Тебя попросили сделать такую малость. Бессовестный. Ты и дома такой же бездельник. Не зря Наталья на тебя жаловалась.

Последняя фраза вышла через край.

– Неправда! – голос мальчишки взвился, дрожа от обиды, от несправедливости. – Мама не могла тебе такое говорить!

Это неправда! Я помогаю, я дома все делаю!

– Врешь! – слова, словно бритва, резали прямо по душе.

Алешка не выдержал. Он весь дрожал. Чтоб не сказать в ответ лишнего, сорвался и выскочил на улицу. Помчался, не разбирая дороги. Плечи вздрагивали от сдерживаемых рыданий. Было стыдно, что кто-то может его увидеть. Хотелось скрыться, исчезнуть, не слышать этот голос, хлещущий большими словами.

"Не вернись! Сделаю шалаш, буду в нем жить. Не найдут. Мама приедет, с ней домой! Не вернись! Никогда сюда больше не вернись!" – Обида жгла. – "За что она так?! Ну, забыл! Первые же дни. Увлёкся и забыл. Но, ведь, сделал бы. Завтра сделал. И про маму зачем? Это же неправда! Словно, специально решила с самого начала загнობить. За что она так меня не любит?!"

В след ему что-то гневно прокричали, но он зажал уши, чтоб больше ничего не слышать. В душе все переворачивалось, кипело. Было почти физически больно. Каникулы пропали. Что делать дальше? Одно ясно, что возвращаться нельзя.

Строя планы жуткой и справедливой мести, он не заметил, как оказался на берегу, далеко от дома. Станица осталась позади. Вдоль реки потянулись бесконечные кукурузные поля. Стебли выше него ростом. Кукуруза и подсолнухи, в которых можно потеряться.

У самой воды ольховые кусты тянутся ветвями к влаге.

Полная тишь. Воздух недвижим, ни одна травинка не шевельнется. Изредка плеснет рыба, выпрыгнув из воды в погоне за мошкой. Со стороны железнодорожного моста слышится далекий перестук вагонных колес, в направлении Новороссийска проплыли огни пассажирского поезда.

Всего то сутки назад он также подъезжал к станции, выглядывая в окно, подставив лицо горячему ветру, пахнущему мазутом, шпалами, степными травами. Восторг переполнял все его существо. Он радовался скорой встрече с бабушкой и с ней, с теткой. Невзирая на ежегодно наносимые обиды, он очень ее любил. С ней ему всегда интересно. Тетка работала следователем. Сильная, волевая, бесстрашная. Она столько историй рассказывала! Он заслушивался ими, и стремился походить на нее.

От этих мыслей стало еще горше. Алешка расплакался навзрыд. Стесняться было некого. Здесь его не могли ни видеть, ни слышать. Можно было дать себе волю.

Со слезами вытекала боль, становилось легче. Он сел на берегу, спустил ноги в речку. Грудь сжало, словно грудой камней привалило и давит со всех сторон.

Алешка смотрел на струящуюся воду. Сил не осталось совсем. Очень хотелось есть, в животе урчало. Немного посидев, измученный мальчишка прилег и не заметил, как заснул.

Проснулся он, когда что-то влажное, теплое и холодное разом заелозило по лицу. Придя в себя, понял, собака. Теп-

лый влажный собачий язык и мокрый, холодный нос. Открыл глаза. На него смотрели два карих, внимательных глаза. Черный в крупных белых крапинах спаниель дружелюбно замахал хвостом. Вокруг было совершенно темно, наступила ночь.

– Флинт! Флинт, ты где? – По тропинке приближался мужчина. Лицо молодое, загорелое, бородатое. Штаны с кучей карманов и просторная рубаха. Увидел Алешку.

– Вот те, на! Ты что здесь делаешь?! Алексей, кажется?

– Здравствуйте, дядя Андрей! Да, я Алеша.

– Мне в темноте мерещится, или у тебя глаза красные?

– Да, нее. Так. Немного. – Алешка смутился и постарался спрятать лицо в тень, понимая, что глаза и нос у него красные, и веки опухли.

– Случилось что-то? Давай ка мы сейчас с тобой костерок залудим, и ты мне про беду свою расскажешь. Вдвоем, может, придумаем что.

– Спасибо, дядя Андрей! Вам помочь?

– Щепочек на растопку насобирай. А ветки на дрова я сам. Давай, шустри! Да, нос не вешай! Не все то горе, что горем кажется!

Алешка с облегчением почувствовал, что боль его стала таять. Может оно и правда, не так все страшно. Подумаешь, наругали. Виноват же, на самом деле виноват. А тетка, она такая. Ее, если понесет, то остановиться уже не может. Сама потом жалеет, что перестаралась. Переживает сейчас, навер-

ное. Ладно, пускай попереживает. Легче замирииться будет.

С этими мыслями мальчуган принялся собирать щепки, кору и всякую горючую мелочь для костра. Вскоре они уже сидели у огня. Пламя разгорелось, деревяшки весело потрескивали.

– Ну, так что, расскажешь, что случилось?

– Да ничего особенного. Наругали меня. Обидно очень.

– А было за что?

– Ну, да. Было.

– А чего тогда обижаться?

– Я прощения попросил! А она такими словами... Грядку должен был прополоть и забыл. Я первый день, как приехал. Можно же было понять.

– Это Николаевна твоя, что ли? Она пошуметь-то любит. – Андрей улыбнулся. – Брось. Оно того не стоит. Любит она тебя, переживает. Хочет, чтоб ты человеком вырос, а не сорняком непутевым. Перестаралась, похоже. Но ничего, она отходчивая. Сам, небось, уже понял, а?

– Да. – Алешка чуть улыбнулся, глянул искоса и подкинул веточку в костер.

– Стееепкааа! Стеепкаа!

Из кукурузы неслись знакомые голоса. Алешка вскочил.

– "Миха, Славка? Чего это они здесь?"

Мальчишки выбрались из зарослей, увидели Леху, костер и Андрея.

– Здравсьте, дядя Андрей!

Тот кивнул, и помахал рукой, приглашая к костру.

– Леха! Тебя ищут везде!

– Я из дома ушел! – не очень уверенным голосом объявил

Алешка.

Повисла минутная тишина. Первым опомнился Мишка.

– Ты что, совсем того? Как это, из дома ушел? Зачем?

– Да передумал я уже. Тетка... Я глядку ей забыл прополоть...

– Да, прибежали они к нам уже. Ищут тебя по всей станции! Мухтара нашего хотели просить. Типа, чтоб по следу тебя нашел. Ба им сказала, что ты, наверное с нами козла ушел искать. Козел у нас пропал! Отвязался и ушел, паразит. Два часа уже бегаем, ищем. Как провалился, гад. Вот она и сказала, что ты с нами. Успокоить чтобы. Так они еще не в курсе, что ты насовсем ушел...

– Степку найдем, и домой можешь возвращаться. Скажем, что именно ты козла нашел! Только бы нашелся! – Славка снова прокричал в темноту, – Стеепкааа!

Козел не откликался.

– С нами посидите, передохните. Два часа если бегаєте, устали, наверное? Хлебец, вон, поджарьте. – Андрей протянул ржаные ломтики.

Мальчишки устроились на траве. Рядом Флинт крутится, лизнуть норовит.

– Дядя Андрей, а историю расскажете? – Мишка наполовину шутовски, наполовину всерьез умоляюще сложил ладо-

ни.

– Историю, говоришь?

– Да, да! – закивали Алешка со Степкой.

– А козел как же ваш? История, это дело не быстрое.

– А пока вы рассказываете, он, может, сам найдется! –

Славка нетерпеливо прихлопнул ладонью по траве. Глаза уже загорелись у всех троих.

– Ладно, уговорили. История, так история. Слушайте, значит. – Стояла несколько лет назад наша геологическая партия лагерем неподалеку от поселка таежного. На берегу речки их местной. Повалился к нам в гости приходить, за жизнь разговоры разговаривать мужик один. Степанычем представился. Поначалу один приходил, а потом стал девчонку с собой приводить. Дочку. Ей лет девять, десять тогда было. Как вам сейчас. Он рыбак был заядлый. На охоту не ходил, у него и ружья-то не было. Не люблю, говорил душегубствовать. А рыбачить любил. Рыбу за тварь живую не считал, видимо. Бессловесная она, значит, не понимает ничего и не чувствует.

Рыбы в тех водах много. Ему и не надо столько, и продать некуда, у всех своей полно. Получается, забавы ради ловил. Улов нам, да в поселке у себя раздает, а остальное, хоть выбрасывай. Ну, а ему что. Он и выбросит. Потом снова ловить будет. Хобби говорил, у меня.

А девочка у него добрая была. Рыбу ту жалела, что убивает он ее почем зря. Он ловит, а она в сторонку ее отнесет,

да назад в воду. Спасает, значит.

Стал мужик понимать, что рыбы как-то мало. Ловит он, ловит, а ведро не наполняется. В конце концов, подловил дочку, когда она очередную рыбку к воде несла. Сильно ругался.

Дочка плачет, умоляет рыбку отпустить. А он уперся, и ни в какую! Девочка в сердцах тогда ему прокричала, что рыбка эта не простая. Что отомстит ему рыбий Бог.

Ну, Бог, не Бог, а кое-что и, вправду, случилось.

Леска у удочки зацепилась на дне, лезть за ней пришлось. Скинул сапоги, штаны закатал повыше, в воду зашел. Леску тянет, а та не поддается. Дергал, дергал, разозлился, решил на берег вернуться. Да, не тут-то было! Шаг пытается сделать, а его снизу за ноги, словно держит кто! А рыбы во круг... Полным полно! Кружат хороводом, да все быстрее и быстрее. У мужика голова кругом пошла. Перепугался, орать начал. Только помочь то некому. Они на берегу вдвоем были. Дочка на отца за жестокость его обиделась, убежала. Кричи не кричи, никто не услышит.

Он вопит, а его уже не просто держит, ко дну тянет! Дернет вниз, тот воды нахлебается, клещи невидимые хватку ослабляют, дают вынырнуть. Только дух переведет, его опять вниз. Задыхаться начал. Отдышаться не успевает уже.

Вдруг воронка перед ним закрутилась. Рядом совсем. Того гляди, внутрь затащит. Из центра ее голова чудища невиданного высунулась. На сома похоже, только размером чуть

не с кита показалось. Усы, словно щупальца, шевелятся, к мужику тянутся. Вокруг шеи обвилились, душить начали. Тому дышать совсем уж нечем. Глаза выпучил, воздух вдохнуть пытается, а он внутрь не проходит.

Вспомнил, вдруг, как рыба та последняя вот так же и глаза выкатила и ртом воздух глотнуть пыталась. Шевельнулось что-то в душе его, на жалость похожее.

Только о том подумал, как щупальца шею освободили, и ноги отпустило. Выполз он на берег. Долго на песке отлеживался, в себя приходил. К утру ближе на дрожащих ногах до дома дошел. Никому ничего не сказал. Спать лег. Днем, как встал, первым делом в сарай за удочками, об колено, да в печь их!

Рыбачить Степаныч с тех пор перестал. Историю эту от него же и знаю. Сам рассказал потом. Приходил то он и дальше. На берегу сядет, да на реку любуется.

Андрей замолчал, веток в костер подкинул. Мальчишки притихли, задумались. Тишина над рекой. Слышно только, как поленья в огне потрескивают.

Вдруг из кукурузы послышалось жалобное:

– Мееее! Мееее!

Мальчишки хором завопили:

– Степкааа! Нашелся!

Повскакали, на голос устремились. А козел им навстречу вылезает. Головой трясет, рогами машет, радуется. Славка его за шею обхватил, в щеку мохнатую уткнулся, да разре-

велся. Любит он козла то своего, просто сказать об этом стеснялся. А тут уж прорвалось, не скроешь. Веревку на нем закрепил, в руках крепко держит.

– Смотри у меня! Только потеряйся еще! – А сам улыбается, и слезы чумазым кулаком по щеке растирает.

Посидели еще у костра немного, да по домам пошли. Козла на место вернуть, всех успокоить, да и спать пора. Ночь уже глубокая.

Алешку дома встретили, про грядку и не вспомнили. На тетке лица нет, так напереживалась. Алешке даже жалко ее стало. Обида его прошла. Сам прощения попросил.

Так и закончилась эта история. А на следующий год как оно все будет, кто ж знает.